

Израиль Серебряный. Область и ее люди

Израиль Айзикович Серебряный (1900–1978) – литературный критик и библиограф. Участник Гражданской войны. В молодые годы работал в типографии газеты «Дер коммунистишер вег» («Коммунистический путь») в Гомеле, учился в Еврейском педагогическом техникуме. Путь в литературу начинал как член молодежного литературного кружка «Юнгер арбетер» («Юный рабочий»). В 1930 году И. Серебряный окончил педагогический факультет Белорусского университета. Работал в Институте еврейской культуры при Академии наук Белоруссии.

Печататься начал в 1924 году. Писал статьи для научных изданий, газет на идише, русском и белорусском языках о классической и современной еврейской литературе. Он – автор серьезных исследований о жизни и творчестве классиков идишеязычной литературы, переводчик (перевел на идиш два романа И.С. Тургенева и роман «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова). В середине 1970-х И. Серебряный по командировке журнала «Советиш Геймланд» побывал в Биробиджане и по возвращении с Дальнего Востока опубликовал в этом издании очерк о своей поездке. Перевод очерковых заметок И.А. Серебряного мы и предлагаем нашему читателю.

Перевод с идиша: Валерий Фоменко

*Дорогие мои, любимые!
Сколько нежности к вам в моем сердце!
Я от радости плачу, встречаясь с вами.
Я безумно люблю каждого из вас,
Пионеры, первопроходцы, герои!*

Уолт Уитмен

Совсем нередко случается так: гуляю я по улицам Биробиджана с кем-нибудь из моих новых друзей, вдруг кто-то из них останавливается и ко мне: «А вот здесь совсем недавно – ты можешь не поверить – было настоящее болото. Да!». А мне таки сразу как-то и не верится в это. Думаешь: «Ну надо же! Чего только не бывает на этом свете». Мне-то кажется, что суше того места, на котором расположился нынешний Биробиджан, и найти будет не просто. У нас в Переделкино, что под самой Москвой, куда больше сырых низин. Да что там говорить, если в прежние времена даже площадь в районе Якиманки Болотной называлась. Ну а в дни затяжного ненастья в том же Переделкино и асфальт под водой лежит.

Сразу должен признаться, что я не первый из тех, кто решил поведать здесь обо всем, что последует за этим вступлением. Не я, а талантливый и героически погибший совсем молодым белорусский прозаик-юморист Эля Каган был одним из первых писателей, открывший в современной идише-язычной литературе тему рождения новых городов. Всего четыре года было Магнитогорску, когда Каган представил нам картину возникновения и становления этого города, на месте которого прежде было небольшое поселение при монастыре. А вот Биробиджан, как и другие наши города (Комсомольск-на-Амуре, Дивногорск и подобные им), появился там, где не было ни монастырей, ни синагог, ни мечетей, ни прочих объектов религиозного назначения. Все обошлось без них, и ныне в совсем молодых городах построены дворцы культуры, клубы и театры, открыты кинозалы, стадионы и цирки...

И говоря уж кстати, в новых городах даже речи не может быть о каких-то там религиозных барьерах (как говорил Тевье-молочник, «Мой бог – твой бог»). В городах-новостройках и отношения между людьми изначально складываются по-новому – в любом случае иначе, чем они сложились где-то в давно обжитых краях.

Биробиджанские евреи – это прежде всего труженики, люди из разряда тех, которые с такой любовью описаны классиками нашей литературы. Ныне эстафету своих отцов и дедов с честью несут рабочие-передовики Еврейской автономии, идущие в авангарде «большой» индустрии. И представители здешней интеллигенции – инженеры, руководители предприятий, ученые, журналисты, писатели – что называется, плоть от плоти первопроходцев, покорителей сурового таежного края. Дети и внуки местечковых кустарей и мелких торговцев, нынешние

жители ЕАО, родились и выросли в ее пределах и с полным на то правом могут быть причислены к элитному сословию трудового народа.

Биробиджанский «интеллектуал» и сейчас способен уверенно держать в руках топор и пилу, а если потребуется, будет готовым сменить эти орудия труда на винтовку. Биробиджанцы живут в тесной близости к богатой дальневосточной природе и хорошо знают ее непростой характер и особенности. Здесь люди с одинаковым старанием сажают кедры и разбивают многокрасочные цветники, а если что – точнее, кого – не любят в Биробиджане, так это бездельников и праздных краснобаев. Могу смело утверждать, что молодой и растущий город этот положил начало рождению нового племени ашкеназских евреев – ветви евреев-сибиряков и дальневосточников, которым по плечу преодоление любых трудностей. На деле доказано.

В каждой биробиджанской семье по трое-четверо, а то и по пятеро детей. Иметь больше детей считается здесь «модным». Живут и здравствуют в области семейства недавних переселенцев и таких, которые уже глубоко пустили корни в здешнюю почву. Нередко среди тех и других встречаешь семьи «смешанные», которые можно определить как еврейско-русские или, если угодно, русско-еврейские. К месту будет сказать здесь о том, что я бы назвал биробиджанским патриотизмом. Молодые люди, временно или по какому-то случаю покидающие город на берегах Биры, неизменно испытывают то, что называют словом «ностальгия» (писатель Гессель Рабинков прекрасно описал это в рассказе «Миля»). Это не удивительно: ведь у тех, кто по тем или иным причинам оставил Биробиджан, в городе этом проживают их родители, братья и сестры, друзья, а у кого-то здесь могилы близких... Так что где бы ни находился биробиджанец – на Сахалине или в Магадане, в Находке или на Камчатке, в море или в океане, в армии или на флоте – он никогда не забывает, что его родной дом в Биробиджане. А погостить в этот город приезжают люди из Хабаровска и Владивостока, из Читы и Новосибирска.

Из Биробиджана никто не уехал ни в Израиль, ни в другие страны. Это притом, что известная часть биробиджанцев в свое время приехали строить Еврейскую АО из капиталистических стран либо имеют там сейчас родственников и друзей. Некоторым из жителей областного центра доводилось бывать за границей в гостях или в качестве туристов, кто-то посещал родных в том же Израиле и подолгу там оставался, и если бы кто-нибудь из них (тем более людей пожилых) захотел перебраться в другую страну, он так бы и поступил. Никто бы на такого в этом случае не обиделся. Но нет, не было да и не могло быть таких случаев, и из поездок за рубеж в Биробиджан неизменно возвращаются даже те, у кого здесь нет родни. В то же время биробиджанские евреи, как и все советские люди, живо интересуются всем, что происходит в беспокойном уголке Ближнего Востока. Только никто не связывает с ним свое будущее. Что может быть для тебя дороже, чем дом, построенный твоими собственными руками? И где находится земля дороже той, в которую ты врос всеми своими корнями? Уж какой бы ни была та земля...

(Продолжение. Начало в № 22)

Я не архитектор, но из истории цивилизации знаю, что в глубокой древности люди некоторых племен строили свои дома на сваях. Это защищало обитателей

таких жилищ от диких зверей, от внезапного нападения враждебных соседей и от других прочих напастей. Где-то в Африке и доныне сооружают жилье на высоких столбах. Здесь, в Биробиджане, некоторые здания строят тоже по-особому, с учетом характера местных грунтов – не лучшего «наследия» таежных дебрей в речной пойме. Прежде всего приходится затратить немало труда для подготовки площадки на месте будущего сооружения (а сколько требуется этих сооружений для того, чтобы они образовали целый город, можете себе легко представить), а потом, до закладки фундамента, загонять в землю бетонные столбы-сваи. На них и укладываются блоки фундамента современных домов в несколько этажей. Так что мне кажется символичной встреча двух способов строительства жилья – установка примитивных домиков на сваях в древности и железобетон многометровых свай под домами двадцатого века.

О некоторых довольно старых традициях в Биробиджане не так давно писали корреспондент американской газеты «Дейли уорлд» Майк Давидоу и хабаровский корреспондент ТАСС Павел Рябов. Оба журналиста рассказывали, в частности, о соблюдении традиций в сфере еврейской национальной кулинарии, если конкретно – в ресторане новой гостиницы «Восток» (директорствует в этом ресторане Арон Бобровский, в свое время эмигрировавший из аргентинского Буэнос-Айреса).

За время своей командировки в Еврейскую АО я побывал в гостях у старожиллов областного центра и могу смело констатировать, что старинная рецептура приготовления еврейских блюд в Биробиджане сохраняется. Правда, рецепты этих кушаний подверглись некоторой «ассимиляции». То есть о кашруте тут говорить не приходится, но ко вкусу пищи это отношения как будто не имеет. Так что, думаю, напрасно наши старики предостерегали нас, молодых, от опасности употребления некошерной еды. Хотя приходится сожалеть о другой опасности – о полном исчезновении некоторых наших кушаний (в частности, таких, как кугель и чолнт). Что называется, вышли они сегодня из моды. Но произошло это, очевидно, по причине едва ли не полного исчезновения в наших жилищах русских печей, а, насколько мне известно, именно в них можно приготовить не меньше десятка стопроцентно национальных еврейских блюд.

Время моего пребывания в Биробиджане совпало с днями встречи нового года по иудейскому календарю, так что на праздничных столах моих новых знакомых были арбузы, дыни, виноград и прочие типично южные вкусы. Все это пришло сюда не только как груз в товарных вагонах, но и было заботливо выращено местными селекционерами-любителями, сумевшими «научить» капризных уроженцев юга расти и плодоносить в условиях не менее капризного дальневосточного климата. Ну а что касается национальных блюд на новогодних застольях, то, признаться, давно я не имел удовольствия наслаждаться их неповторимым вкусом. Таки живут и здравствуют на приамурской земле заботливые идише мамэс! Они не только умеют прекрасно готовить, но и охотно делятся своими познаниями в области кулинарии с соседями-нееврейцами, а совсем нередко дают исчерпывающие консультации своим русским невесткам.

Между прочим, и в самом большом ресторане города Хабаровска, где я обедал с моими, понятно, тоже новыми друзьями и знакомыми, нам предложили и подали к столу жаркое по-биробиджански. Пальчики оближешь!

Мойше Хашеватский в своих путевых заметках «Поездка в Биробиджан» описывает мучительные размышления одного молодого биробиджанского лингвиста по фамилии Шнайдер. К нему из местного еврейского ресторана пришел

человек с просьбой перевести на идиш обновленное меню. «Бросив телефонную трубку, – пишет Хашеватский, – Шнайдер подвигает к себе лист бумаги и против названия блюд на русском языке начинает писать их наименования на еврейском: “Суп” – это “а зуп”, “борщ” – “а борщ”, “бульон” – “а йойх”, “кисло-сладкое мясо” так и будет мясом кисло-сладким, только, конечно, уже на идише, – рассуждает переводчик. Над словом “пельмени” Шнайдер задумывается, он не может решиться дать этому слову точный перевод: может, написать “кнэйдлэх”? Или лучше будет “крэплэх”?.. “Кнышес”?.. Да нет – “варничкэс”... Тоже не то... Может, “вертутэс”? Так это больше по-белорусски. “Вареникэс”? Ну или по-другому как-то?.. Шнайдер снова задумывается: а я, дескать, знаю, как это будет? Наконец, решительно махнув рукой, четко выводит на бумаге несомненно безошибочный перевод ресторанного блюда – “пельменес”. – Вот! – подавая бумагу посланцу из ресторана, произносит переводчик, – и больше не морочьте мне всем этим голову!..».

Однако ж некоторые традиции в Биробиджане ушли в прошлое и ушли безвозвратно. В частности, почти все обычаи, связанные с религией. Здесь не соблюдают, к примеру, постов и не прибегают к покаянию. Может статься, это оттого, что биробиджанские евреи не имеют никаких грехов? Так или иначе, только можно быть совершенно уверенным в том, что хлеб свой в поте лица люди эти зарабатывали и зарабатывают честно. Именно так утверждают председатель областного суда Лев Филипов и его коллега, возглавляющая Биробиджанский городской народный суд, Фаина Таргонская, с которыми мне довелось побеседовать. Лев Федорович похвастался тем, что в областном центре почти нет преступности. Биробиджанцы, по мнению главного областного судьи, – народ благовоспитанный, законопослушный, а что касается, по выражению Филипова, «лиц еврейской национальности», то «лиц» таких можно видеть здесь на всех предприятиях и во всех учреждениях, включая органы правопорядка, судов и прокуратуры. Что-то еще следует добавлять в пользу репутации представителей титульной нации ЕАО?..

В городском Дворце культуры я побывал на выставке, которую здесь ежегодно устраивают накануне Всесоюзного дня работников сельского хозяйства. На выставочных стендах представлены, кажется, все сельхозкультуры, возделываемые на полях области, которую неспроста и по праву называют житницей Хабаровского края. Но особое внимание посетителей выставки привлекает соя – ценнейшая культура, которую, как и рис, можно считать своего рода эндемиком дальневосточной нивы: в азиатской части Союза соя способна вызреть только в Приамурье и Приморье.

Для земледельцев Еврейской автономии нынешний год (то есть год 1975-й – **прим. переводчика**) стал самым удачным с начала текущего десятилетия: получен богатый урожай зерновых, что позволило области значительно перевыполнить план по продаже хлеба государству. Отлично поработали сельские труженики на картофельных и на овощных полях, на кукурузных плантациях, надежно обеспечив сочным кормом животноводческие фермы. Жаль, что мне приходится обходиться здесь общими словами, поскольку – признаюсь в этом – я не силен в вопросах аграрных. В отличие, скажем, от биробиджанских журналистов, на зависть свободно ориентирующихся в вопросах сельского

хозяйства, хорошо знакомых как с видными специалистами в этом секторе экономики, так и с простыми работниками здешних сел.

Что касается «Заветов Ильича», то хозяйство это в области одно из передовых, а чтобы оценить, как живут здесь колхозники, достаточно просто пройтись по валдгеймским улицам. Всюду чистота и порядок, за аккуратными изгородями видишь ухоженные дворики, рубленые и кирпичные дома с цветниками под окнами, небольшими садами и просторными огородами. В центре села – большое здание клуба, в котором имеется кинозал, богатая библиотека, комнаты для работы различных кружков самодеятельности, есть на центральной усадьбе хозяйства стадион. В общем, здешние колхозники, как и городские жители, имеют возможность сполна удовлетворить свои культурные потребности.

В беседе со мной Пеллер, уж не знаю, почему, поинтересовался, нет ли в числе моих предков людей духовного звания. Что тут сказать? Разумеется, в существующих условиях, когда советской власти вот уже скоро полвека, вопрос о родословной звучит, пожалуй, наивно: у нас давно не принято похваляться происхождением пролетарским. Так что если даже у кого-то и были среди дедов-прадедов лавочники или купцы, попы или раввины, никакой роли это теперь уже не играет. Люди в Стране Советов, что называется, давно «переварились» в общем котле, да и слово «пролетарий», в переводе означающее «неимущий», звучит не так уж внушительно, как на известном отрезке отечественной истории. Но поскольку вопрос тебе задан, на него надо дать ответ. И я рассказал Пеллеру, что происхожу из рода мелких работяг-ремесленников, а отец моего отца, «николаевский солдат», отслуживший царю и Отечеству двадцать пять годков и не пожелавший воспользоваться своим правом поселиться в запрещенных для проживания «обыкновенным» евреям губерниях, вернулся в белорусское местечко Калинкович, где в возрасте восьми лет был схвачен «ловчими» и, чудом выжив, стал кантонистом – будущим рекрутом царской армии. На окраине Калинковича дед обзавелся семьей, построил хатку, распахал огород. Прожил он до 83-х лет. Сказал я Пеллеру и о том, что самому мне самостоятельную жизнь (уже в городе) тоже пришлось начинать-таки пролетарием, а если точнее – учеником наборщика в типографии...

Когда мы вышли из колхозной конторы, я невольно обратил внимание на шумную толпу мальчишек и девчонок, собравшихся на площадке перед домом правления. Мне объяснили, что это местные школьники и что сейчас за ними должен подойти автобус, который доставит детей в соседний совхоз, где они будут помогать овощеводам на уборке урожая.

Владимир Израйлевич предложил мне осмотреть располагающуюся недалеко от конторы недавно построенную животноводческую ферму. Есть здесь родильное отделение и помещение для молодняка. Рядом с коровниками – широкий выгульный двор. Все сделано здесь добротнo и, как пояснил мне Кердман, с учетом научных рекомендаций. Правда, меня несколько озадачило то, что в стойлах бетонные полы. «Коровки, пожалуй, предпочли бы отдыхать на соломе», – высказал я свое предположение моим сопровождающим, на что Пеллер с улыбкой возразил: мол, нашим буренкам зимой будет удобней лежать на гладком полу в сухом и теплом помещении, чем на сырой соломенной «перине».

Отвечая на мои вопросы, немного рассказал Владимир Израйлевич и о своем прошлом. Не следует думать, что жизнь у этого человека складывалась легко и просто. Справедливо утверждали древние мудрецы, что провидение не дарует нам

то доброе, что мы имеем, а продает его нам. Продает по цене разного рода неудач и ударов судьбы, отчаянных усилий и потерь, преодолений и бессонных ночей. И, конечно же, нашего здоровья. Всего этого не могло не быть и в биографии Владимира Израйлевича. Как на фронтах Великой Отечественной, так после нее уже здесь, в Еврейской области...

Теперь Пеллер считает себя коренным дальневосточником. А где глубокие корни, там крепкий ствол и густые ветви. У Владимира Израйлевича есть дети и внуки. Все они живут, трудятся или учатся здесь же, рядом с ним.

Пеллер свободно общается на идише. Еще совсем ребенком он успел поучиться в традиционном хедере, оканчивал на еврейском языке школу-семилетку. Он постоянный читатель ежедневной областной газеты «Биробиджанер штерн» и журнала «Советиш Геймланд», посещает еврейский театр. Владимир Пеллер – обладатель многих государственных наград. Он Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР. Будучи по возрасту уже пенсионером, В.И. Пеллер продолжает плодотворно трудиться на своем посту, отдавая все силы родному валдгеймскому колхозу.

* * *

Почти у всех биробиджанцев – как у старожилов, так и уроженцев области – интересные, романтические, а порой драматические биографии, прочно связанные со своеобразной историей автономии. Сотни различных публикаций в областной и краевой прессе повествуют о рабочих заводах и фабриках областного центра, о тружениках села и представителях интеллигенции.

Во время беседы с сотрудниками редакции «Биробиджанер штерн» я рассказал о собственных впечатлениях о Биробиджане и своих встречах с интересными людьми. Сказал я и о том, что зарубежные антисоветские газеты постоянно распространяют слухи и всяческие домыслы, что-де евреи-переселенцы, прибывавшие в Еврейскую АО уже в послевоенные годы, в большинстве своем вернулись назад. Я убежден, что это не более чем вымысел. Разумеется, не все переселенцы – как приезжавшие на Дальний Восток еще до образования ЕАО, так и в более позднее время, – сумели с честью выдержать строгий «экзамен» и таки отбыли отсюда – кто в места своего прежнего проживания, кто в ближайшие дальневосточные города. В Биробиджане оседал, по ходовому выражению минувших советских лет, «здоровый элемент» – то есть люди, не гоняющиеся за призраком легкой жизни. С некоторыми из них я лично встречался как на предприятиях областного центра, так и в домашней обстановке.

Леонида Клеймана писатель Сальвадор Боржес представил своим читателям в очерке под заглавием «Человек, который не отдыхает». И это исчерпывающая характеристика Клеймана. Вот уже двенадцатый год он является депутатом горсовета и постоянным членом партийного бюро мебельного комбината. В городском совете он работает в постоянной комиссии по вопросам быта – одной из ответственных комиссий.

фашистами на «Малой земле» на подступах к Новороссийску. Дважды ранен. За спасение из-под огня тяжело раненого командира краснофлотец Клейман был представлен к боевой награде, уже не первой на его счету. День Победы Леонид встретил на Балтике, в Польше.

Там, где Клейман трудится сейчас – это в фанерном цехе комбината – его ценят за образцовое исполнение рабочего долга, на предприятии его знают как автора нескольких рационализаторских предложений и как активного общественника.

Ну а кроме всего прочего Клейман просто хороший человек и добрый сосед, готовый в случае необходимости поддержать нуждающегося в помощи и участии. Случается, едва заметит, что у товарища по цеху с оборудованием что-то не ладится, он, ни слова ни говоря, закатывает рукава и через считанные минуты неисправности как не бывало. Говорят, дома он делает решительно все, что необходимо в быту. Коротко сказать, золотые руки у мужика.

Как-то неожиданно в разговоре с Клейманом мне открылись примечательные обстоятельства в биографии его жены Симы. Никто и предположить бы не мог, что эта милостивая блондинка в скромной должности бухгалтера (правда, бухгалтера старшего) способна дать фору иному мужчине. Она, как оказалось, тоже ветеран Великой Отечественной. Военная ее специальность – укладчица парашютов. У нее и самой в активе не один десяток прыжков с парашютом. Спецподготовку девушка проходила на краткосрочных курсах в городе Подольске, что под Москвой. Было это в первые месяцы войны. Потом ей довелось побывать в Сталинграде. Родителей, оставшихся на оккупированной территории, она больше никогда не увидела. С апреля 1942 года до июля 1945 Сима служила в 651-ом авиаполку. Победный сорок пятый встретила в должности инструктора парашютного дела. В детстве Сима Михайловна обучалась в школе, где преподавание велось на идише, любит читать литературу на еврейском языке, семья подписывается на журнал «Советиш Геймланд» едва ли не со времени выхода его первого номера.

Супруги Клейман вырастили двух детей. Дочь работает во Дворце пионеров и заочно учится в хабаровском институте культуры. Сын Михаил – студент политехнического института тоже в Хабаровске. Здесь, в Биробиджане, живут со своими семьями и братья Леонида Клеймана. Так что у него здесь немало племянников и племянниц. Все они трудятся на предприятиях областного центра. Правда, за исключением одного племянника, ставшего военным моряком.

Клейман, как большинство здешних евреев, – человек немногословный. В отличие от знакомых нам по известным литературным произведениям типичных «людей воздуха», имевших обыкновение прямо-таки засыпать вас словами. Посмею заключить, что здешние «аиды» переняли привычку не тратить лишних слов у своих ближайших соседей-сибиряков. Заметил я и такую любопытную деталь: люди, занятые физическим трудом, как правило, не сопровождают свою речь активной жестикуляцией.

Клейман родился в 1921 году под Николаевом. В Биробиджан начинающий слесарь судостроительного завода прибыл в одном из переселенческих эшелонов. До этого успел окончить восемь классов фабрично-заводской школы. С первых дней войны и до ее окончания он боец в рядах морской пехоты. Был участником боевых операций под Керчью и Феодосией, сражался с фашистами на Малой Земле на подступах к Новороссийску. Дважды был ранен. За спасение из-под огня тяжелораненого командира краснофлотец Клейман был представлен к боевой награде, уже не первой на его счету. День Победы Леонид встретил на Балтике, в Польше.

Там, где Клейман трудится сейчас – это в фанерном цехе комбината, – его ценят за образцовое исполнение рабочего долга, на предприятии его знают как автора нескольких ценных рационализаторских предложений и как активного общественника.

Ну а кроме всего прочего Клейман просто хороший человек и добрый сосед, готовый в случае необходимости поддержать нуждающегося в помощи и участии.

Случается, едва заметит, что у товарища по цеху с оборудованием что-то не ладится, он, ни слова не говоря, закатывает рукава и через считанные минуты неисправности как не бывало. Говорят, дома он делает решительно все, что необходимо в быту. Коротко сказать, золотые руки у мужика.

Как-то неожиданно в разговоре с Клейманом мне открылись примечательные обстоятельства в биографии его жены Симы. Никто и предположить бы не мог, что эта миловидная блондинка в скромной должности бухгалтера (правда, бухгалтера старшего) способна дать фору иному мужчине. Она, как оказалось, тоже ветеран Великой Отечественной. Военная ее специальность – укладчица парашютов. У нее и самой в активе не один десяток прыжков с парашютом. Спецподготовку девушка проходила на краткосрочных курсах в городе Подольске, что под Москвой. Было это в первые месяцы войны. Потом ей довелось побывать в Сталинграде. Родителей, оставшихся на оккупированной территории, девушка больше никогда не увидела. С апреля 1942 года до июля 1945-го Сима служила в 651-м авиаполку. Победный сорок пятый встретила в должности инструктора парашютного дела. В детстве Сима Михайловна обучалась в школе, где преподавание велось на идише, любит читать литературу на еврейском языке, семья подписывается на журнал «Советиш Геймланд» едва ли не со времени выхода его первого номера.

Супруги Клейман вырастили двух детей. Дочь работает во Дворце пионеров и заочно учится в Хабаровском институте культуры. Сын Михаил – студент политехнического института тоже в Хабаровске. Здесь, в Биробиджане, живут со своими семьями и братья Леонида Клеймана. Так что у него здесь немало племянников и племянниц. Все они трудятся на предприятиях областного центра. Правда, за исключением одного племянника, ставшего военным моряком.

Все, о чем в этих коротких заметках мне удалось рассказать о Биробиджане и его людях, это, как принято выражаться, всего лишь капля в море. Более подробно о ЕАО вы можете читать в здешних областных и краевых газетах, которые ежедневно публикуют самые разнообразные материалы о людях земли приамурской, об их прошлом и не менее героическом настоящем. Дети и внуки первопроходцев Биро-Биджана самоотверженно трудятся сегодня в самых разных уголках Дальнего Востока. Их можно встретить в Хабаровске, во Владивостоке, на всесоюзной ударной стройке Байкало-Амурской магистрали, в дальних морях и океанах. И как же далеки их нынешние профессии от тех, которые были типичны для евреев, обитавших в полунищих местечках пресловутой черты оседлости! И как раз в связи с этим мне невольно вспоминаются страницы нашего классика Менделе-Мойхер Сфорима, в автобиографическом произведении которого

«Шлойме сын Хаима», отражена тема трудовой занятости евреев прошлого. В замкнутом пространстве местечек люди существовали в изоляции от какого-либо общественного развития. И, как правило, профессию портного, сапожника, пекаря или кровельщика человек наследовал от отца. Неспроста же названия этих и им подобных ремесел становились фамилиями. Вот только обладатели таких ремесел особым уважением в своем окружении не пользовались. Другое дело, если местечковый обитатель обретал себя в сфере труда, так сказать, умственного: был, к примеру, удачливым посредником при заключении браков или пробивался в число людей духовного звания (раввинов, хазанов, шойхетов и прочих служителей культа) и тоже закладывал своего рода династию представителей элитного сословия. Достойными людьми в черте оседлости считались держатели шинков (то есть мелких питейных заведений), арендаторы, лавочники... Так все было в начале девятнадцатого века, так оно продолжалось долгие-долгие годы, пока в нашей стране не восторжествовали идеи социализма.

Яркие свидетельства о дореволюционном прошлом нашего народа оставил в своих «Путевых картинах» И.Л. Перец, участвовавший в статистической экспедиции по еврейским поселениям старой Польши. Непростой и нелегкой оказалась работа статистиков: поди-ка еще дознайся да опиши в точности, как и с чего живет еврей. Вот как своеобразно поначалу сложился диалог писателя с одним из опрошенных им жителей местечка:

«Ваше занятие?» – «Какое еще занятие?» – «Ну чем вы живете?» – «Что вы имеете в виду? Живем же!» – «Откуда вы берете средства к существованию?» – «Берем то, что господь-бог дает. Если он нам что-то даст, то мы и возьмем». – «Ну а что вы делаете целый день?» – «Что делаю? Живу. Молюсь. Что еще может делать еврей? А когда я хочу есть, я иду на базар». – «И что вы делаете на базаре?» – «Что делаю? Что придется, то и делаю»...

Еще больше о тяжелой жизни евреев в прошлом мы можем узнать из многочисленных произведений Шолом-Алейхема. И прекрасно то, что для современного поколения народа пережитое нашими дедами-прадедами – не более, чем дурной сон... А здесь, на земле Приамурья, выросли люди нового благородного сословия – сословия рабочих, крестьян и интеллигентов – истинных аристократов в странах социализма. У биробиджанских же евреев достоинство особое: они здесь стали первыми, они стали первопроходцами, заложившими прочный фундамент первой в новой истории национальной еврейской государственности.